

ЧТО БЫЛО НОВОГО В КУЛЬТУРЕ ПОМИНАНИЯ В ИОСИФО-ВОЛОЦКОМ МОНАСТЫРЕ? ПЕРЕСМОТР ВОПРОСА¹

Существует всеобщее мнение, что культура литургического поминания в Московском государстве на рубеже XV и XVI в. претерпела большой подъем. Лучше всего новшества

прослеживаются в Успенском монастыре, основанном Иосифом Саниным в 1479 г. недалеко от города Волоколамска, примерно в 120 км к западу от Москвы. Но несколько позже их можно проследить и в других больших монастырях [Алексеев, 2002, с. 138, 152; Веселовский, с. 328; *The Monastic Rule of Iosif Volotsky*, p. 28–29].

Только начиная с XVI в. мы располагаем большим количеством паралитургических книг для поминания и его организации. Нормативные же тексты, касающиеся реализации поминания, известны лишь с XVI в. С этого времени данные грамоты довольно регулярно содержат требование о внесении имени вкладчика или его родственников в два различных поминальных списка, существование которых мы в состоянии подтвердить. Названия этих списков варьируют [Steindorff, 1994, s. 252–254]. Чисто условно я буду использовать в дальнейшем ту пару названий, которая наиболее часто встречается в документах Иосифо-Волоцкого монастыря, а именно: *вечный синодик* и *повседневный список*. Записи имен в этих списках появляются, как правило, не раньше чем с конца XV в.

Тем не менее я хотел бы заранее подчеркнуть, что практика вкладов в монастыри и церкви имеет более глубокие корни, о чем свидетельствуют многочисленные грамоты в пользу более древних Троице-Сергиевого и Московского Симонова монастырей. Грамоты первого были проанализированы П. Гонно и М. С. Черкасовой, грамоты второго — Л. И. Ивиной [Gonneau; Черкасова; Ивина]. Но в данном случае, по всей видимости, вклад еще не связывался с определенным ожиданием и с требованием о внесении в поминальную книгу и о регулярном поминании на основании этой книги. К слову сказать, и в средневековых монастырях Западной Европы регулярно вносить имена в некрологи стали уже после того, как начала действовать активная практика внесения вкладов [Штайндорф, 2010, с. 119–120].

На основании существующих источников можно сказать, что лишь с начала XVI в. вклад стал регулярно сопровождаться внесением имени в поминальные списки и была установлена четкая зависимость между размером вклада, который делался в виде денег или же соответственно в виде движимого или недвижимого имущества, и литургическим вознаграждением². Вклад одной четверти рубля позволял внести всю семью в вечный синодик. Но литургическое вознаграждение было небольшим, поскольку длинный список читался большую часть дня независимо от проходивших служб. Внесение в повседневный список могло совершаться на определенный период. Цена составляла один рубль в год. Лишь после вклада в пятьдесят рублей обеспечивалось вечное поминание. В связи с высокой ценой этот список рос намного медленнее и мог быть зачитан вовремя литургического цикла за один день. Наивысшим

¹ Перевод: Евгения Титова, г. Киль.

² Эта проблема подробно разработана в моей монографии на немецком языке из 1994 г.: [Steindorff, 1994, s. 169–199]. В российской историографии тема введена в широкий научный оборот в 2002 г. в работе: [Алексеев, 2002, с. 137–153].

вознаграждением считался корм — праздничная трапеза в день смерти поминаемого или в день его святого. Цена одной праздничной трапезы в год составляла целых сто рублей³.

Мы можем назвать несколько причин возникновения такого рода поминальной системы:

- процесс индивидуализации обусловил растущий интерес к собственному имени;

- царившее непосредственно после христианизации убеждение, что для спасения души достаточно и крещения, давно исчезло; спасение души стало ставиться в зависимость от добрых дел, которые совершает каждый сам или совершают его близкие, от молитв, милостыни и вкладов. Страх перед Судным днем укоренился в сознании в какой-то степени, может быть, и в связи с ожиданием между тем уже минувшей даты 7000 г. — ожидавшегося в 1492 г. конца света [Алексеев, 2002, с. 51–55];

- лишь в это время получили развитие навыки, необходимые для приобретения сложной прагматической грамотности и управления ею;

- установление и соблюдение правил поминания было одним из проявлений социального дисциплинирования.

Нет сомнения в том, что в начале XVI в. культура поминания имела инновационный характер, но, с другой стороны, мы не можем оставить без внимания тот факт, что имеются сведения о практике поминания ив Древней Руси.

«Поминание» упоминается уже в Киево-Печерском патерике. Речь идет о памятной книге, в которую вносились имена братии. Русский паломник игумен Даниил благодарил Бога за то, что имел возможность внести имена русских князей, их жен и детей в монастыре святого Саввы в Иерусалиме, чтобы они могли быть упомянуты в ектениях. При археологических раскопках на территории усадьбы новгородского священника в слоях, датируемых примерно 1200 г., в большом количестве были найдены кусочки берестяных грамот с краткими списками имен. По всей вероятности, эти списки служили для литургического поминания в течение ограниченного времени и впоследствии были выброшены.

Одним из обвинений по отношению к стригольникам в Новгороде являлось предположение, что они отрицали необходимость регулярной заботы об умерших посредством служб, подарков для церкви и милостыни. Хотя мы и не располагаем надежной информацией об этом, как утверждают, еретическом движении, обвинение служит доказательством тому, что практика заботы об умерших носила регулярный характер [Steindorff, 1994, с. 146–156; Алексеев, 2008, с. 426–435].

С начала XV в. данные грамоты порой содержат распоряжение о внесении имени вкладчика или его родственников в синодик или в поминание [Steindorff, 1994, с. 156]⁴.

В Уставной грамоте великого князя Всеволода Мстиславича о церковных судах, о людях и мерах торговых в Новгороде князь подтверждает, что он даровал *вседенник сенаник*, синодик

³ Основными нормативными источниками являются:

1. Литургические указания «О еже внегда и како чести Сенаник подобает» и «О еже когда и како чести Поминание повседневное (ГИМ. Епархиальное собрание № 411 (829). Л. 3-6; РГБ. Ф. 113. № 571. Л. 31об. — 34; РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 559. Л. 30–32об.; РНБ. Кир.-Бел. 759/1016. Л. 36об. — 38; публикация по рукописи из РГБ: Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510 годы). Подготовка текста и исследование Т. И. Шабловой. С.Пб., 2004. Приложение 2. С. 211–213; публикация по рукописи из РНБ: Шаблова, с. 62–63).

2. Обиходник Иосифо-Волоколамского монастыря. Глава 5 (ГИМ. Синодальное собрание 403 (829). Л. 38–44; РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 556, Л. 35–42; РГБ. Ф. 113. № 681. Л. 1–6. Публикация этой главы по списку РГБ: Голубинский, с. 577–580. Ср.: Штайндорф 1998, с. 65–67).

⁴ Первое и второе Слово трехсловного предисловия к синодику о необходимости и пользе поминания известны из рукописи, написанной, по мнению С. В. Сазонова, до 1448 г. (ср.: [Сазонов]). Но ни первое, ни второе Слово не содержат совершенно никаких сведений о системе двух списков. О трехсловном предисловии, которое в первый раз появляется в Иосифо-Волоколамском синодике 1479 г., см. также: [Алексеев, 2002, с. 7–10; Дергачева, с. 21–25, 125–127].

на все дни, для алтаря Собора Святой Софии⁵. Обычно Устав не рассматривается как документ времени Всеволода Мстиславича, около 1135 г. Его принимают скорее за компиляцию конца XIII или XIV в. А. И. Алексеев предлагает датировать компиляцию грамоты даже второй половиной XV в., поскольку термин *вседенник сенаник* относится к поминальной практике, возникшей в конце XV в. Именно к этому времени восходят первые списки Устава [Алексеев, 2008, с. 429–430].

Но не исключено, что именно информация о *вседеннике сенанике* относится к тому слою Устава, который действительно связан с Всеволодом Мстиславичем, поскольку не было необходимости приписывать именно эту информацию правителю как можно более раннего периода. Так или иначе, с моей точки зрения, не столь важно определить, к какому именно времени относится эта информация. Достаточно сказать, что сведения получены из текста, датированного не позже чем XV в.

Очевидно, что мое утверждение об инновационном характере сложной системы поминания в том виде, в котором она известна нам примерно с 1500 г., противоречит многочисленным указаниям на то, что практика поминания существовала и в предшествующее время. Это противоречие было ясно мне уже давно, но я не мог объяснить его. Поэтому в моей книге «*Memoria in Altrußland*» 1994 г. и в моих последующих публикациях я отказался от обсуждения этой проблемы. В. Д. Назаров был первым, кто во время дискуссии после моего доклада в Германском историческом институте в Москве в 2010 г. также обратил внимание на то, что утверждение об инновации противоречит сведениям о более ранней практике поминания, которые были известны ему из статьи А. И. Алексеева. На тот момент я не мог объяснить, каким образом проходил переход от старой практики поминания к новой, и указал лишь на тенденцию к специализации и дифференциации.

Убедительное объяснение мне удалось найти лишь несколько месяцев спустя, когда я работал с группой кильских студентов над переводом центральных текстов по поминанию в Московском государстве с древнерусского языка на немецкий⁶. Но перед тем как обратиться к тексту, давшему мне ключ к решению проблемы, я хотел бы коснуться двух значений слова «синодик», поскольку в современных научных исследованиях далеко не всегда проводится четкое различие между ними, а порой их даже путают⁷.

Начнем с более древнего его значения. Синодик подразумевал изначально Синодик православия. Само по себе выражение соответствовало греческому термину τὸ Σὺνοδικὸν τῆς Ὀρθοδοξίας. Название этого памятника письменности представляет собой метонимию. Имеется в виду ἡ Σύνοδος/Синод, церковный собор, состоявшийся в 843 г. в Константинополе, на котором иконоборцы были прокляты, а иконопочитание окончательно восстановлено. Книга, составленная по окончании Синода, τὸ Σὺνοδικόν, включает в себя постановления семи Вселенских соборов, списки отлученных от церкви, а также списки особо почитаемых людей, как живых, так и умерших. Τὸ Σὺνοδικόν читается только раз в году, в первое воскресенье Великого поста. Помимо греческой версии существует еще несколько славянских версий и одна грузинская, списки имен которых частично варьируют, в соответствии со специфическими условиями в разных странах и времени составления синодика. Синодик православия не

⁵ Новгородский устав князя Всеволода о церковных судах, людях и мерах торговых // Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы. М., 1976. С. 155, § 8 (о возникновении изводов и о рукописях см.: С. 153–154).

⁶ Электронная публикация: www.oeg.uni-kiel.de > Übersetzte Quellentexte > Quellen zu Stiftungswesen und Totengedenken im Moskauer Russland > Der Brief des Klostergründers Iosif an die Fürstin Marija Golenina von 1508–13.

⁷ Два примера: ПЛДР. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1984. С. 710 (комментарий к письму Иосифа Волоцкого княгине Голениной. С. 352); Rothe, s. 43–44.

используется для поминания, и его зачитывание не является средством заботы об умерших. Он служит для самоидентификации и самозаверения в существовании своей собственной группы на земле и для четкого исключения тех, кто не относится к этой группе [Дергачев, 1990; Дергачев, 2001; Дергачева, с. 9–11; Максимович; Shevzov; Steindorff, 1994, s. 60–62].

Только в России слово «синодик» получило дополнительное значение, которое по своей сути соответствует греческому термину *δίπτυχα* или южнославянскому термину «поменик». Второе значение появилось, по всей вероятности, посредством метонимии на основании значения «длинный список имен». Эти списки служат для зачитывания во время литургических циклов в течение всего года с целью спасения душ умерших.

Не представляет трудности различать эти две разновидности синодиков. Имена в Синодике православия пишутся в дательном падеже в соответствии с призывом «вечная память» или же «много лет». Имена в синодике, аналогичном диптихам, пишутся в винительном падеже, в соответствии с призывом «помяни, Господи!»

Что касается нашего вопроса, то нас интересуют лишь синодики второго типа. Система поминания XVI в. является, по всей видимости, видоизменением прежней практики поминания умерших. Но каким же образом произошло это видоизменение? Ключ к разрешению этого вопроса следует искать в Послании Иосифа Волоцкого княгине Марии Голениной, написанном между 1506 и 1510 г.⁸ Письмо, написанное княгиней Иосифу, не сохранилось, но Иосиф приводит многочисленные цитаты из него. Княгиня пожаловалась на то, что, хотя она и сделала много вкладов в монастырь Иосифа, имена ее мужа и ее двух сыновей не поминались должным образом [Чернов, с. 292]⁹. Иосиф объяснил ей, как функционировала система поминания, и указал на то, что ее ожидания возникли в связи с неправильным толкованием некоторых моментов. Прежде всего, невозможно было организовать отдельную службу для каждого вкладчика или же его родственников. Поминание проходило для всех вместе во время различных служб в течение недели. Затем Иосиф обратил внимание княгини на то, что существуют два типа списков. Один называется синодиком. В него вписаны имена мужа и сыновей и здесь их будут поминать вечно. Другой же список Иосиф называет годовым поминанием. Поминание в этом списке может быть ограничено на год. Лицо получает «годовое поминание в год», как указывается в Послании. Внесение имени в этот список навечно связывается с большими вкладами. Для примера Иосиф перечисляет многочисленных хорошо известных людей и их вклады [Steindorff, 1997, p. 562–565, 576–577]¹⁰. Как он подчеркнул, внесение имени на неограниченный период, «в годовое

⁸ Послание княгине Голениной // Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста: А. А. Зимин, Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 178–183. Датировка по: Плигузов, с. 297–299; в отличие от датировки 1508–1513 г. в публикации Послания А. А. Зиминым и Я. С. Лурье. По Т. И. Шабловой (Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. С. 202–203), Послание написано не позже 1505 г., так как Иосиф в Послании говорит о намерении монастыря купить землю на средства из вклада князя Семена Ивановича Бельского, но из других источников известно, что Богоявленская церковь в монастыре построена к 9 мая 1506 г. на средства из вкладов Бельского и Бориса Васильевича Кутузова. Однако предложение «[Бельский] велел пытать, где бы земля купити монастырю» следует объяснять по-другому: князь был готов, кроме передачи 200 рублей, купить земли монастырю по его выбору. Кстати, различия в датировках не влияют на мои аргументы в связи с организацией поминания.

⁹ С помощью указаний в Кормовой книге о расположении гробов С. З. Чернов смог отождествить три гроба в новом приделе с гробами Голениных. Он полагает, что речь идет об Иване и Семене (из письма) и их брате Андрее Андреевиче, в иночестве Арсении, и что Иван и Семен приняли иночество под именами Антоний и Трифон, под которыми они упоминаются во Вкладной и Кормовой книгах. Но об их пострижении никаких сведений в источниках нет, их имена в Повседневном списке написаны в отделе князей без пострижения. Информация о погребении Ивана и Семена в монастыре известна только из довольно сбивчивого рассказа о княгине Голениной и ее сыновьях в Волоколамском Патерике середины XVI в. По моему мнению, более вероятно, что Антоний и Трифон являются сыновьями Андрея Андреевича и что они с отцом лежат в приделе (ср.: [Steindorff, 1997, p. 568; Das Speisungsbuch von Volokolamsk, s. 349 (№ 61, 62, 64)]).

¹⁰ Там я показал, что данные в письме Иосифа в точности соответствуют сведениям об этих вкладах в грамотах, во Вкладных и Кормовой книгах монастыря.

поминание в век», предполагало особое соглашение между вкладчиком и братией во всех монастырях и церквях. Благодаря этим соглашениям мы располагаем огромным количеством грамот, касающихся вкладов земельных участков, или, по меньшей мере, записями во Вкладных книгах Иосифо-Волоцкого монастыря и многих других общин¹¹.

Мы можем с легкостью доказать, что информация в послании Иосифа, касающаяся практики поминания, точно соответствует нормативным текстам. Термин «годовое поминание», без сомнения, является синонимом повседневногo списка, как мы знаем это из предписаний в предисловии к синодикам и в Обиходнике, регулирующем повседневную жизнь Иосифо-Волоцкого монастыря¹². Термин «годовое поминание» подразумевает более старую, несохранившуюся предшествующую рукопись списка примерно 1600 г., который без труда можно отождествить с повседневным списком путем сравнения с именами Вкладной книги¹³.

Что означает «годовое поминание»? Одним толкованием могло бы быть «поминание в течение года», но такая интерпретация словосочетания неубедительна, поскольку поминание на основании вечного синодика происходит также в течение всего года. Куда более обоснованным было бы понимать термин как «поминание на один год». Это означало бы, что термин подразумевает поминание в течение первого года после смерти.

Сейчас мы наконец-то в состоянии показать, что было нового на рубеже XV и XVI в. С давних времен первый год после смерти был периодом особой заботы об умершем. Считалось, что тем самым можно помочь обеспечить мир для души во время малой эсхатологии — от разлучения души от тела до ее пребывания в мирном месте в ожидании Судного дня. Особое значение в заботе об умершем имеют определенные даты, а именно третий, девятый и сороковой день, полгода и год после смерти, а также периоды — сорокоуст (цикл из сорока литургий) или же целый год. Очевидно, что церкви и монастыри вносили лица, которых следовало поминать каждый день в течение всего года, в специальные списки или книги, а именно в годовое поминание, если следовать терминологии Иосифа. *Вседенник сенаник* на алтаре Софийского собора в Новгороде, который был на самом деле или якобы дарован Всеволодом Мстиславичем в 1135 г., может также рассматриваться как книга для этой цели.

Мы можем лишь догадываться о том, с какого времени стало принято навечно вносить имена в вечный синодик, который читался независимо от идущей службы и не с алтаря, а в клиросе, как описано в Обиходнике Иосифо-Волоцкого монастыря [Голубинский, с. 579]¹⁴. Согласно разъяснениям, данным Иосифом княгине, эта практика поминания к тому времени уже прочно укоренилась во всех монастырях и церквях. Поскольку потребность в поминании росла, а вечные синодики были переполнены именами, поминовение в годовом поминании продлевалось теперь вместо одного года на несколько лет или даже навечно. По выражению Иосифа, это было «годовое поминание в век» — поминание на один год навечно, противоречивое выражение само по себе, понять которое можно лишь в более широком контексте.

В какой-то мере функция годового поминания претерпевала изменения. Теперь оно больше не представляло собой одну из форм поминания в первый год после смерти, а являлось составной частью литургических циклов и было тесно связано с ожиданием Судного дня, завершающего великую эсхатологию.

Да будет нам позволено предположить, что существует связь между появлением и продлением годового поминания в век (повседневного списка, если следовать более поздней

¹¹ Не было принято составлять отдельные грамоты о вкладах денег и движимого имущества, их регистрировали только во Вкладных и Кормовых книгах.

¹² Ср. примеч. 5.

¹³ РГАДА. Ф. 1161. Оп. 2. № 561. О структуре этой рукописи см.: Steindorff, 1994, s. 190–192; дополнения: Steindorff, 1995, p. 439–441.

¹⁴ Ср. примеч. 5.

терминологии), с одной стороны, и маргинализацией синодика как книги для небольших вкладов, реальных для каждого, — с другой.

Есть ли основания говорить о нововведении в начале XVI в., несмотря на то, что мы смогли доказать, что поминание при помощи двух различных поминальных книг развивалось на протяжении более долгого времени? Теперь я предпочел бы поговорить о консолидации и стандартизации практики поминания, которая сформировалась за столетие, после того как монастыри утвердились как центры заботы об умерших и возросла их роль как получателей вкладов и как центров молитвы взамен.

Можно ли по-прежнему утверждать, что Иосифо-Волоцкий монастырь играл центральную роль в упрочении новой системы поминания, несмотря на тот факт, что сам Иосиф указывает в Послании к княгине Голениной на то, что все монастыри придерживаются той же самой практики?

По моему мнению, можно привести достаточно аргументов в пользу позитивного ответа. Как сказал А. А. Зимин: «Пожалуй, ни один русский монастырь не имел такой четко выработанной системы поминания умерших, как Волоколамский» [Зимин, с. 103].

Центральный нормативный текст, когда именно следует зачитывать оба списка в ежедневном литургическом цикле, сохранился в самых старых синодиках из Волоколамска. Лишь позднее текст появился и в Кирилло-Белозерском монастыре¹⁵. Если Иосиф и не обязательно является автором текста, то он был написан, несомненно, в его ближайшем окружении. В более подробной версии своего Завещания¹⁶ Иосиф подчеркивает необходимость тщательного чтения списков и прямо ссылается на свое «Сказание о спасительных и душеполезных книгах» в древнейшем синодике Волоколамского монастыря. В Сказании он опять дает краткие указания относительно зачитывания поминальных списков и, что еще более важно, делает ударение на том, какую важную роль играют монастыри как центры заботы об умерших. Он оправдывает обширные владения монастырей, поскольку они необходимы для выполнения литургических обязательств, и обязует братию относиться к этому заданию как можно внимательнее¹⁷.

Также в последующих десятилетиях XVI в. Иосифо-Волоцкий монастырь играл ведущую роль в деловой грамотности относительно поминания. Ни из какого другого монастыря у нас нет сведений о книге, которая бы могла сравниться по детальности с Обиходником, описывающим повседневную жизнь Иосифо-Волоцкого монастыря, сохранившаяся версия которого была написана около 1580 г. Пятая глава этой книги содержит точную информацию о соотношении между размером вкладов и литургическим вознаграждением. Здесь перечисляются все книги, которые использовались для надежного управления именами, подлежащими поминанию¹⁸. Насколько мы можем судить, описание системы поминания полностью соответствовало практике поминания в монастыре, и да будет нам одновременно позволено сказать: практика соответствовала норме, которая была в основном установлена уже в начале XVI в.¹⁹

Практика поминания, основанная на устной традиции и опыте, была, очевидно, очень схожей во многих других монастырях. Но только в Иосифо-Волоцком монастыре она была так детально разработана и в письменном виде. И эти тексты, в свою очередь, легли в основу

¹⁵ Ср. примеч. 5.

¹⁶ The Monastic Rule of Iosif Volotsky, edited, translated and introduced by D. M. Goldfrank. Revised edition. Kalamazoo, MI – Spencer, MA, 2000 (Cistercian Studies 36). P. 277 (гл. 13, предание 1).

¹⁷ Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря. С. 127–133; также: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 355–357 (перевод на английский: The Monastic Rule of Iosif Volotsky. P. 309–311).

¹⁸ Ср. примеч. 5. В то же время составлена Кормовая книга: Das Speisungsbuch von Volokolamsk.

¹⁹ Для проверки практики служила уникальная Годовая кормовая книга (ГИМ. Епарх. № 417 (683)), в которой за период с 1 сентября 1566 г. по 17 апреля 1567 г. записано, что в какой день было действительно подано к трапезе и на какие дни переместили кормы для вкладчиков, чтобы согласовать их с предписаниями церковного устава о постных и праздничных днях (ср.: [Steindorff, 2008, p. 231–249]).

практики поминания. Кстати, надо сказать, что во многих монастырях практика и нормы могли не совпадать. Об этом свидетельствует и Стоглав 1551 г., в котором монастырям повелевалось тщательно заботиться о вкладышах и выполнять указания вкладчиков. Но, по всей вероятности, меньше всего царь в своем упреке думал о Иосифо-Волоцком монастыре, об этом образце поминальной организации²⁰.

В заключение хотелось бы сказать следующее. В традиционной историографии русский церковный отец Иосиф Волоцкий предстает перед нами обычно как противник положительных намерений, чтобы русское монашество жило в скромности и смиренности по образцу нестяжателей. Но нам следует признать и тот факт, что Иосиф был убежден в том, что благосостояние монастырей означало, что они берут на себя определенные обязательства. Благодаря Иосифу Волоцкому монастыри стали выступать в новой роли, которая отвечала требованию общества, а именно представлять собой престижные центры заботы об умерших.

Литература

- Алексеев А. И. Под знаком конца времени. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб., 2002.
- Алексеев А. И. О начале государственного поминания правящих династий Рюриковичей (XIV—XV в.) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность / Отв. ред. М. В. Бибииков, Е. А. Мельникова, В. Д. Назаров. М., 2008. С. 426—435.
- Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1910. Т. II. Ч. 2.
- Дергачев В. В. Вселенский синодик в древней и средневековой России // ДРВМ. 2001. № 1 (2). С. 18—29.
- Дергачев В. В. К истории русских переводов Вселенского Синодика // Дергачева И. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале синодика). München, 1990 (Specimina Philologiae Slavicae 89). С. 165—188.
- Дергачева И. В. Древнерусский Синодик. Исследования и тексты. М., 2011.
- Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977.
- Ивина Л. И. Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV — первой половины XVI в. Л., 1979.
- Максимович К. А. К уточнению корпуса древнерусских домонгольских переводов с греческого: Синодик в неделю православия // ДРВМ. 2011. № 4 (46). С. 77—86.
- Плигузов А. И. О хронологии посланий Иосифа Волоцкого // Russian History/Histoire Russe. 2000. Vol. 27. № 3. P. 285—310.
- Сазонов С. В. К ранней истории синодичных предисловий // Сообщения ростовского монастыря. Ростов, 1991. Вып. 1. С. 8—28.
- Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV—XVI вв. М., 1996.
- Чернов С. Э. Некрополь Иосифо-Волоколамского монастыря в свете археологических исследований 2001 г. Старый и новый приделы // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель / Отв. редакторы игумен Сергей (Воронков), монах Пантелеймон (Дементиенко), Г. М. Зеленка. М., 2008. С. 269—314.
- Шаблова Т. И. Практика поминовения в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XVI — первой половине XVII веков: (по материалам церковных и келарских обиходников) // «Сих же память пребывает вовеки». СПб., 1997. С. 46—67.
- Штайндорф Л. Вклады и поминание в московском государстве — явление средневековья или раннего нового времени? // Зубовские чтения. Александров, 2010. Вып. 5. С. 113—136.

²⁰ Стоглав // Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства / Под ред. А. Д. Горского. М., 1985. Т. II. С. 351—352 (глава 75), 271 (вопрос 15).

Штайндорф Л. Сравнение источников об организации поминания усопших в Иосифо-Волоколамском и Троице-Сергиевом монастырях в XVI веке // Археографический ежегодник за 1996. М., 1998. С. 65–78.

Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря. Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert, herausgegeben und übersetzt von L. Steindorff unter Mitarbeit von R. Koke, E. Kondraškina, U. Lang und N. Pohlmann. Köln – Weimar – Wien, 1998 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte, NF, B. 12).

Gonneau P. La maison de la Sainte Trinité. Un grand-monastère russe du moyen-âgetardif (1345–1533). Paris, 1993.

Rothe H. Religion und Kultur in den Regionen des russischen Reiches – Erster Versuch einer Grundlegung. Opladen, 1984 (Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Vorträge. G. 267).

Shevzov V. Resistance and Accommodation: The Rite of Orthodoxy in Modern Russia // Religion and Identity in Russia and the Soviet Union. A Festschrift for Paul Bushkovitch / Edited N. Chrissidis, C. J. Potter, D. Schimmelpenninck van der Oye, and J. B. Spock. Bloomington, IN, 2011. P. 165–190.

Steindorff L. Memoria in Altrußland. Untersuchungen zu den Formen christlicher Totensorge. Stuttgart, 1994 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. 38).

Steindorff L. Commemoration and Administrative Techniques in Muscovite Monasteries // Russian History. 1995. Vol. 22. № 3. P. 433–454.

Steindorff L. Princess Mariia Golenina. Perpetuating identity through care for the deceased // Culture and identity in Muscovy, 1359–1584 / Ed. A. M. Kleimola, G. D. Lenhoff. Moscow, 1997. (UCLA Slavic Studies. New Series 3). P. 557–577.

Steindorff L. Realization vs. Standard: Commemorative Meals in the Iosif Volotskii Monastery in 1566/67 // Rude & Barbarous Kingdom Revisited. Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey / Ed. S. L. Dunning, R. E. Martin, D. Rowland. Bloomington, IN, 2008. P. 231–249. The Monastic Rule of Iosif Volotsky, edited, translated and introduced by D. M. Goldfrank, Revised edition. Kalamazoo, MI – Spencer, MA, 2000 (Cistercian Studies 36).